

МЕНЯ часто манят дороги, зовут олени тропы. Вот почему и теперь, укладывая в свой дорожный имит вещи, я мысленно здороваюсь со своим новым знакомым. Так всегда было и есть.

«Искры, дарящие радость» — назвал я свою небольшую книгу о людях нашего округа. Это люди, дарящие радость: песни, танцы, легенды и сказки, люди, делающие нашу жизнь еще краше, полнее. Без них жизнь была бы скучнее.

«Тропами друга» я назвал одну из глав книги. Это рассказ о корякском поэте Иннокентии Яганове. В декабре 1979 года ему исполнилось бы 50 лет.

Ягановых в Корякии много. Есть охотники, есть рыбаки, врачи, учителя, артисты. Например, Даниил Яганов. Есть стихотворные строки о знаменитом корякском певце Гаврииле Яганове.

*Корякский бубен,
Как тундра чист,
Звонок, как эхо в горах,
Но если поет Гавриил-бубнист,
Слушает вся Карага!*

Иннокентий Яганов! Листаю свои майские дневники за 1964 год.

...Третий день в пути. Какая теперь езда? — удивятся многие, ведь середина мая. Но мы едем на собачьих упряжках. Днем греемся на какой-нибудь проталине, а ночью продолжаем путь и просим темное небо открыть нам звезды и подарить хороший наст. Нас пятеро: четыре колхозника с центральной усадьбы колхоза «Путь Ильича» и я. Колхозники — мои путники, едут в верховья реки Лесная делать баты, я — до Лесной. Отдыхаем, греем, как нерпушки, свои бока на солнце, опрашиваем чайник за чайником и продолжаем мечтать о наст.

Третий лесновский перевал. И это дерево, перед которым мы расположились на ночлег, и дорога — все так знакомо, как будто не один раз проходил и мой путь по этим местам.

Да, знакомо! Здесь ходил Кеша Яганов — наш друг и поэт. Я смотрю на березку, которая так приветливо склонилась надо мной тяжелые от набухающих почек ветви, и думаю: «Не под этим ли деревом писал свои стихи и зарисовки Иннокентий? Не тот ли тополь, что стоит за ручьем, отвернувшись от нас, был назван Кешей «эгоистом». Здесь все говорит о нем. Иннокентий, как и все люди тундры, любил свою Родину, любил природу. Он писал: «Люди говорят, что злыми и добрыми могут быть только люди и животные. А вот и нет. Среди деревьев, представьте, встречаются тоже злые и добрые, веселые и грустные, щедрые и эгоисты-себялюбцы».

Люблю лес! С его шорохом, изумительным запахом. Едешь по дороге. Молодая березка своими влажными, нежными ветками, словно любимая девушка, погладит тебя по щеке. На сердце радость. Или не успеешь оглянуться, — хлестнет тебя по руке какая-нибудь ветка, озорная, игривая. Попытаешься поймать ее, а ветка уже далеко в стороне. Улыбнешься, да погрозишь ей пальцем. Живет своей жизнью знакомый березняк. Со своими радостями, огорчениями. Многие деревья сво-

им характером, поведением очень напоминают некоторых наших людей. У них есть что-то общее».

Вот еще одна зарисовка. Здесь и юмор, и горечь, и большая наблюдательность поэта. Он умел видеть больше, чем другие: «Какая изумительная, красивая, стройная, гибкая березка стояла на полянке! Любуясь ею, всякий думал: «Эх, посадить бы ее около дома. Какое загляденье!». Вокруг нее стояли молоденькие стройные тополя, да бледнолицые тальники. Каждый из них надеялся, что именно к нему, к его кроне навечно склонится милая березка. Чтобы вместе, вдвоем, поддерживая друг друга, переносить всякие бури и невзгоды... И вот молодая веселая березка наклоняется к одному дереву, о чем-то шепчется с ним, потом, смотришь, она уже кокетничает с другим. И никому

*Я недавно у лесочка
Встретил рыжую лису,
Поскорей двустволку в руки —
Потихонечку ползу.
Подползаю, подползаю,
А она лежит и спит...
Не уйдешь ты, если только
Палец мой не задрожит.
А в душе воображенье:
Застрелил, несущий домой!
Даже девушка Ирина
Машет, машет мне рукой.
— Бах! И вижу: что за чудо?
Упустил добычу я,
По кустам быстрее звука
Мчит лисонька моя.*

Два диплома Камчатского фестиваля за исполнение своих стихов, удостоверение депутата сельского Совета (Иннокентий Яганов вел большую общественную работу), справки об образовании. В год гибели Иннокентий окончил восемь классов Лесновской вечерней школы. В справке, выданной директором школы на его имя, вы не найдете ни одной тройки. Он учился на хорошо и отлично.

— Особенно, — вспоминают учителя, — он любил литературу и историю, увлекался химией и физикой. По этим предметам у

глядеть в дневники поэта и прочитать кое-какие выдержки. Они многое дополнят ко всему сказанному:

«1 января 1963 года. Есть что вспомнить. Было все: и хорошее и плохое. Самое светлое, самое наущееся на всю жизнь — стать членом Коммунистической партии партии Ленина! Самое плохое — мало еще работаю, пишу, сочиняю...».

«21 января. Проводил гонки на собаках и оленях, потом соревнование по стрельбе. Участвовало 28 человек. Есть плохие стрелки, хотя и охотники, как Яганов И. Д. Попов С. И., Яганов Н. Г. Надо поучить».

В дневниках много строк о любви. Кеша любил. Сейчас, когда просматриваю дневники, со мной рядом мальчик, очень похожий на Кешу. Ему шесть лет, звать Володей. Это сын поэта. Он живет бабушкой. Стихи о любви посвящал матери, своей жене.

Живя в национальном селе, поэт не мог не видеть, как хорошеет жизнь его земляков. Строится школа, открылся ли вечерний класс, есть ли дрова в библиотеке и клубе — все интересовало поэта-депутата сельского Совета, спутника народа. Обо всем этом новом писал поэт.

Говоря о его жизни и творчестве, мне хочется вспомнить еще об одном большом увлечении поэта, которое, как и поэзия, было его постоянным спутником. Перед мной несколько альбомов с фотографиями. Здесь лучшие кадры села и округа, удивительные снимки камчатской природы. Иннокентий мог тонко чувствовать красоту своего края. Ведь ведем на районном смотре в 1964 гиле снимки, сделанные корякским фотографом Иннокентием Ягановым, получили первую премию. Глядя на жизнь глазами поэта, воспроизводил ее в снимках, художник.

Вечерело... Я попросил у Дарьи Васильевны его записные книжки и дневники, чтобы вечером встретиться с жителями села подробнее рассказать землякам Иннокентия Яганова о его творчестве.

Клубный зал был переполнен молодежь, и старики пришли слушать беседу «О современной литературе и песенно-танцевальном творчестве корякского народа».

Я говорил о многих авторах в ряках, о новых танцах и песнях, но, когда стал говорить об Иннокентии, стал читать его стихи. Зал замер — ведь многие знали и любили простые и доходчивые стихи молодого поэта.

И я был рад, что мне выпало большое счастье познакомиться с творчеством своего друга. Как много земляки поэта, я уверен, что если будет создаваться большой сборник корякских авторов, то стихи и зарисовки Иннокентия Яганова — первого корякского поэта, займут в нем достойное место.

ТРОПАМИ ДРУГА

● **Исполнилось 50 лет со дня рождения корякского поэта Иннокентия Яганова**

предпочтения. А время шло. Однажды разыгралась непогода — бушевала буря. Крепко досталось моему любимому березняку. Проезжая место, где росла березка, я так и ахнул: она лежала на земле, сломленная сильным ветром! Бедная-бедная! Во время бури она, конечно, наклонялась то к одному, то к другому деревцу, ища поддержки. А эти молодые тополя, тальники решили, видно, отплатить березке за ее непостоянство. И, не найдя опоры, обесилевшая, так и рухнула на землю. И лежит она теперь никому ненужная. Ни сделать из нее полозья для оленних нарт, ни развести костра. Да, такое легкомыслие, как у этой березки, иногда встречаешь даже у людей».

Я читаю его стихи и представляю заиндевших псов, везущих его по этой дороге. Читаю его стихи моим спутникам. Странно как-то: все четверо очень хорошо знают Иннокентия как человека, но никто из четырех не слышал о том, что он поэт. И здесь, на небольшой, залитой щедрыми лучами весеннего солнца поляне, они открывают его впервые для себя, чтобы потом рассказать о нем людям. Читаю. Коряки — спутники мои, слушают очень внимательно. Им очень нравится стихотворение «Охота на лису».

С этого стихотворения начались наше знакомство и большая дружба. 1957 год — первый Камчатский фестиваль самодеятельного искусства. На театральной площадке города выступает поэт Корякии — Иннокентий Яганов. Свои стихи он умел читать по-особому. Ему аплодировали, его просили читать еще и еще. И он читал. Читал «Цветок», «Моя работа», «Охота на лису», «Птичка».

— Еще прочитай про лисицу, — просит теперь меня Умье Кихляп, и я читаю:

Помню еще один день, памятный для нас обоих. День, когда нас с Кешей принимали в Камчатское литературное объединение. На заседании объединения Георгий Иванович Панкратов — председатель — вручал Иннокентию Яганову диплом первой степени за чтение собственных стихов. Тогда Иннокентий Яганов вошел в семью камчатских литераторов как признанный корякский поэт. У нас с ним было много встреч и бесед, дружеских и спорных, но мы всегда понимали друг друга. Не думал я тогда, что пройдет совсем немного времени — и мне придется собирать по крупницам его записки, записные книжки и дневники. Конечно, нет. Кеша мечтал о большой книге своих стихов, и мы, его товарищи по перу, верили в это. Но трагическая гибель оборвала прекрасные думы поэта. Сегодня на Камчатке есть своя писательская организация. И его друзья не забывают о нем. Кеша мечтал, что будет на Камчатке большой отряд писателей. Мечта его сбылась.

Сегодня я иду по тропе, где не один раз проходил и проезжал он. Иду и словно читаю последнюю записную книжку поэта: «Край камчатский, край любимый».

Я иду к матери поэта, Дарье Васильевне. И здесь, отдавшись самым непосредственным впечатлениям, мне хочется сидеть и говорить с этой простой женщиной-корячкой, матерью Кешы. По ее скуластому, испещренному морщинами лицу бегут крупные слезы. Ведь ровно год, как погиб ее сын. Дарья Васильевна показывает мне фотографии сына, вытаскивает из-под кровати баян (Кеша учился играть на нем), потом осторожно выносит небольшой ящик, перетянутый тесьмой.

— Еще книжки, документы! — говорит она.



него самые высокие оценки — 5. Ведь недаром Кеша увлекался радиотехникой и долгое время работал на радиоузле. Листая дневники, я нахожу его стихи о своей работе:

*Прямо скажу,
Ничего не тая,
Нравится очень
Работа моя.
Утром придю
Аппараты включаю,
Песней чудесной
Свой день начинаю.
Песня в эфире,
И весь мой народ
С Гимном советским
Бодро встает.
Пусть до Москвы
Путь далек сквозь леса,
Но Кремлевских курантов
Слышны голоса!*

Я читаю его дневники и записные книжки, и как будто не они, а он сам говорит со мной. Вот маленькая тетрадь в синей обложке. Это его последний доклад о международном дне Первого мая. Я читаю его доклад, особенно первые страницы, где поэт говорит об успехах и недостатках своего колхоза. Он любил и знал свой колхоз, он имел право говорить от имени своих земляков. Дневники! Как много могут они рассказать о человеке! Им доверяет он все: и самое радостное, и самое горестное.

Я позволю себе смелость за-